

Сергей Кулаков

Обычная история

На юге

Поезд тяжело выдохнул, дёрнулся, стал. Раннее утро. Тень четырёхугольной башни вокзала ещё не вытянулась наискось по асфальту. Стрелки на башенных часах приближались к своей аппендицитной черте, когда, обойдя состав по дощатому настилу, в толпе груженных сумками и чемоданами курортников мальчик с сестрой прошли под высокой аркой, мимо остановки такси, дальше — к стоянке пригородных автобусов. Там заняли очередь у кассы. Пока мальчик сидел верхом на большом чемодане, его сестра стояла за билетом...

Бабушка вставала рано. Саша никогда не видел, как она умывается. Раз в неделю приходила женщина — высокая, толстая, с бородавкой на подбородке. Она грела на газовой плите в ведрах воду, купала бабушку за занавеской в большом жестяном корыте, точно маленькую.

Бабушка вставала и сразу находила себе дело. Саша просыпался каждое утро от таинственных звуков на кухне. Кухня находилась неподалёку от летнего навеса, под которым, на железной кровати со старинным скрипом и мягкой периной, спал мальчик. Под кроватью валялось множество разного хлама...

Из кухни доносились стуки, шелесты, перезвоны и тяжёлый, влекущий запах. Казалось, всё пропитывалось этим запахом: кухня, простыни, банки на деревянных колёсках изгороди, даже сама бабушка. А быть может, этот странный запах исходил именно от неё? Бабушка жила одна в своём старом доме. После смерти деда, которого Саша слабо помнил, она заскучала жить, но была всегда рада, когда летом приезжали погостить внуки.

Саша приехал вместе со своей старшей сестрой. Отец посадил их в поезд и ушёл, а сестра сказала, что отец с мамой больше не будут жить вместе. Потом поезд тронулся. Не спеша, и — всё быстрее и быстрее, и какой-то столб помчался взлупски с поездом, обманывая глядящего в окно мальчика своим невидимым перемещением. Поначалу было интересно наблюдать за этим, но скоро фокус, придуманный столбом, надоел. Саша отвернулся от окна. В вагоне было скучно. Сестра читала, слегка наклонившись вперёд. Попутчик с верхней

полки заглядывал ей в расстёгнутый вырез рубашки. Мальчик вновь повернулся к окну. Там была голая степь с далёкими деревьями, деревянными столбами, которые стояли с достоинством, шегольски отставив ногу. Захотелось спать...

Когда Саша проснулся летним утром от разных шумов и тяжёлого, влекущего запаха, он лежал под дощатым навесом, крытым старой жостью, за саатиновой завесой, болтавшейся над землёй, не доставая до неё краем. Ему припомнилось, как они с сестрой уехали на юг к бабушке. Потом ему припомнилось: «... они теперь никогда не будут жить вместе». Саша привык к тому, что родителям что-то постоянно мешало друг в друге и отец подолгу не появлялся дома. Только мальчик не мог понять: отчего это они никогда не будут вместе. Он боялся слова «никогда». Ему казалось, будто это и не слово вовсе, а что-то огромное, тёмное, которому нет конца. Но сейчас было утро, и не было темно, поэтому страшно стало только чуточку. Он встал, надел шорты и пошёл умываться по бетонным ступеням к крану под сливовым деревом.

У мальчика было красивое синее полотенце с белыми цветами, а на обратной стороне — как на фотографическом негативе — полотенце было белое, а цветы синие. Саша утёрся полотенцем-негативом и отправился в комнату, где под смешным ковром на стене (на котором маленькие человечки сражались с огромной красной рыбой) спала сестра.

Они спускались вниз к морю, потом сестра уводила его от переполненных людьми пляжей туда, где среди больших валунов и отвесного земляного среза берега был укрыт небольшой пляж с белыми гладкими — от упорной работы моря — камушками. Они расстилали большое полотенце, складывали одежду и обувь, а фрукты в туго перевязанном прозрачном пакете опускали в море и обкладывали камнями, чтобы откатывающие волны не утянули пакет за собой. Накупавшись, Саша лежал на полотенце, ел прохладные фрукты, смотрел на сестру: она мягко ступала по камням, не спеша входила в ленивое от припекающего солнца море. Затем, оттолкнувшись ногами и вытянув руки вперёд, плыла. Длинные волосы её намокали, плавно раскачиваясь, как водоросли

на дне моря. Сестра плыла, плыла... потом становилась на укрытый от зрения подводный камень далеко в море, разматывала ему рукой и не спеша возвращалась обратно.

Вместе лежали на влажном полотенце, ели фрукты, болтали ногами... Когда из-за близких гор выползла тяжёлая тёмная туча, они, укрыв головы, сохли под солнцем, чтобы потом потемнеть кожей. Солнце скрылось в туче, затянувшей уже полнеба. Их кожа и купальные костюмы давно высохли, но это было не важно, потому что пошёл дождь. Несколько крупных капель разбились о нагретые тела, потом капли стали падать чаще, чаще, пока жаркий воздух не замутился от ливня. Бежать — бесполезно. Спрятали шорты и обувь в сумку; надели тут же вымокшие рубашки с коротким рукавом и отправились домой. Набережная была полна водой. Шли босиком мимо круглых навесов, под которыми прятались от дождя люди. На подъёме потоки неслись вниз, и если стать у них на пути, вода вдруг резко подскакивала вверх, стекая грязными ручейками по рубашке и ногам...

К вечеру Саша заболел. Бабушка растёрла его тёмной жидкостью с противным запахом, а потом одела в тёплую фуфайку, рукава которой были длиннее, чем руки мальчика; напоила горячим молоком с инжирным вареньем, укрыла одеялом до самого подбородка. Она села рядом на кровать и стала рассказывать разные истории. Было хорошо лежать в тепле, высунув подбородок из-под одеяла, слушать тихий голос бабушки. Немного болела голова, но боль растворилась в подушке, когда он закрыл глаза, а бабушкин голос отодвинулся к забору, стал тише, тише...

Саша открыл глаза. Увидел вокруг темноту ночи. Было тихо. Цикады негромко трещали в саду. Голова не болела. Он лежал совсем один, глядел в высокое чёрное небо с множеством звёзд, которое, если приглядеться, становилось густосиним, и звёзд там было куда больше... Небо было огромным. Какая-то сила тянула туда, вверх. Вдруг стало страшно, но закрыть глаза он не смог, а когда всё же закрыл, стал думать о том, что будет, когда он умрёт.

Там тоже будет темно, очень темно-темно, как сейчас, и темно всегда, даже если открыть глаза — всё равно будет темно, всегда будет темно, будет темно, и ничего никогда не будет, никогда не наступит конец этой темноте, и одиночеству, и пустоте, и он потеряет себя и растворится в этой темноте навсегда, сам станет темнотой и никогда не будет жить, всё будет жить, только он не будет, и все, кто будет жить, про него забудут.

Саше стало жаль себя. Он заплакал — тихо, почти беззвучно, не вытирая глаз от мокрых слёз, потом повернулся на живот, лицом к подушке,

и так уснул. Когда спал, в голове стало легко от слёз. Приснился сон: он стоял на берегу моря, смотрел на уплывающую девушку, волосы её намокли, колыхались по спине, по плечам; она встала на подводный камень, повернулась к нему лицом, увидел — это была бабушка, стояла там на подводном камне в переднике, в котором готовила на кухне, звала к себе, платье с передником намокли в воде, двигались, как тёмные водоросли на камне; вошёл в море, поплыл, раздвигая воду руками; бабушка взяла за руку, и они вместе стали опускаться на дно; там, в тихой прозрачной воде, среди плавных водорослей, она стала рассказывать истории тихим голосом; он слышал всё, что говорила бабушка; у неё не выплывали изо рта пузырьки, как бывает, когда начинаешь говорить под водой; глядя сквозь толщу воды на солнце сверху, он подумал, что это самое лучшее место в мире.

Рыбная ловля

Отец пришёл домой раньше обычного. Лязнул замок. Дверь отперлась, потом захлопнулась. Снова лязнул замок. В коридоре зажгётся свет. Мальчик слышал, как отец снимал ботинки.

Саша сидел на диване, раскрыв на коленях толстую книгу в тёмно-зелёном переплёте. Ему нравилось читать книги по истории. Он мог подолгу сидеть, представляя битвы времён Столетней войны, мрачные средневековые замки, морские сражения или знаменитые кругосветные путешествия. Он любил представлять, как путешествует по тем давно минувшим временам, оживавшим в его воображении.

Дверь в коридор отворилась, отец вошёл в комнату.

— Привет.

Он стоял в светлых брюках с ремешками по бокам, белой рубашке с нагрудным карманом слева, на ногах у него были кожаные домашние туфли без задников.

— Здравствуй, — ответил мальчик.

— Мама дома?

— Нет.

— Есть хочешь?

— Я молоко пил.

— Ладно, пойдём поужинаем.

Мальчик закрыл книгу. Положил её на стол. Пошёл в кухню. Нарезал хлеб тяжёлым острым ножом. Отец разогрел жаркое с румяной хрустящей корочкой... Ел он быстро, жаркое запивал вином, которое наливал из бутылки.

— Как дела?

— Хорошо, — сказал мальчик.

Только когда говоришь с полным ртом, даже простые слова звучат невнятно.

После ужина отец уселся на ковре в комнате и стал вязать над разложенной газетой к рыболовным крючкам белёсые щетинки, которые доставал

из круглой жестяной коробки. В пластиковом пакете вместе с этой коробочкой из-под леденцов хранились лесы в разноцветных катушках, грузила разных форм и крючки всевозможных размеров в небольших картонных коробочках. Прямо перед отцом лежал повидавший многое спиннинг из бамбука, со старенькой катушкой и рукоятью, обмотанной синей изоляционной лентой.

Мальчик, вымыв посуду, сел рядом. Он смотрел, как отец своими короткими сильными пальцами ловко вязал к острым, с заусеницей у острия, крючкам пучки волосков. Белёные волоски с чернью на кончиках висели на крючках, точно травы на бёдрах туземцев, которых Саша видел на фотографических снимках в книгах.

— Папа, а зачем это? — спросил он.

— Рыбу удить, — ответил отец, не отвлекаясь от дела.

— А рыба их ест?

— Нет, в воде рыба думает, что это корм. Ну и хватает...

— А потом её нужно вытаскивать?

— Точно. Подсесть и тянуть.

— Ты пойдёшь рыбу ловить?

— Угу.

— Возьми меня.

— Ты спать будешь...

— Я встану.

— А школа?

— Я с тобой хочу!

— Надо учиться...

Саша поднялся, взял книгу со стола. Сел на диван. Раскрыл книгу...

— У тебя в школе хоть всё в порядке? — спросил отец, положив готовый крючок рядом с такими же, туземистого вида, крючками.

Он смотрел на мальчика.

— Да...

Саша уставился на строчку, надоевшую глазам, едва сдерживая слёзы.

— Брось губы надувать. Ладно, пойдём.

— Правда?

Отец усмехнулся, сказал:

— Правда.

Саша опять перебрался к нему поближе.

— Пап, Расскажи историю...

— Какою ещё историю?

— Про рыбную ловлю.

— А-а... понятно.

Отец говорил отрывисто, сухо. Он рассказал случай, когда нескольким рыбакам удалось выловить очень крупного калкана...

— А теперь — давай спать! — закончил он. — Нужно встать пораньше, чтобы не попасть в солнцепёк.

Мальчику хотелось, чтобы завтра была хорошая рыбалка. Перед сном он всё старался представить: как они с отцом будут ловить рыбу...

Отец собирался тщательно, не торопясь: упаковывал спиннинг в брезентовый чехол с кожаной ручкой, крепившейся к чехлу проржавевшими заклёпками; в сумку положил запас крючков, два грузила, ещё одну сумку — для рыбы, пачку сигарет, две коробки спичек. Еду решил положить с утра, а воду налил в пластиковую бутылку и поставил в холодильник. Потом разделся, погасил свет, лёг в постель. В темноте тихой, обрюзгшей цикадой урчал механический будильник. Отец знал, что проснётся вовремя.

Они сидели в лодке. Саша смотрел, как тележка с лодкой въезжает в тихую, зелёную от водорослей и мха воду. Когда лодка закачалась на поверхности, отец приладил вёсла, помахал рукой человеку на берегу и сильными, плавными движениями повёл лодку, раскачиваясь от кормы к носу. Он ощущал удовольствие от движения лодки, от лёгкого следа за кормой, который расходился по поверхности зыбким клином, растворяясь в спокойствии моря, от удаляющегося берега и от многого другого, что вполне обычно, но приобретает иной смысл перед рыбной ловлей. Всё это подготавливало лов, давало ему настроение праздника, приносило покой, радость. Отец умел подолгу грести, не уставая, это тоже приносило удовольствие... Голые ноги с рыжеватыми волосками (шорты он положил перед собой на кормовое сиденье) сильно упирались в дно при гребке, а на руках выступали жилы; когда проносил над водой влажное весло, с которого обрывались капли, — отдыхал, делая вдох. Отец был доволен, он улыбался под длинным козырьком своей летней кепки, а бухта с высокой скалой, домиком под ней всё удалялась, удалялась.

Саша глядел вперёд. У него захватило дух от пространства, частью которого он стал. Пространство это становилось больше, обширнее, втягивая лодку вместе с мальчиком в свою огромность и синеву. Слегка закружилась голова от высокой прозрачности неба с ослепительным солнцем, лучи которого дробились в тёмной от глубины поверхности моря на множество мгновенных блесков. Саша стал глядеть на тёмно-синюю воду, любопытно бросавшуюся навстречу лодке. Слева тянулся берег с беспорядочно торчащими валунами и каменистыми пляжами. Он был дик и пустынен. На крутом подъёме берега солнце выжгло землю. Кое-где цеплялись за серую почву высохшие кривые стебли. На самой высоте росли деревья в жёлтой сухой траве.

Саша иногда ложился грудью на скамейку лодки, опускал руку в воду, а там растопыривал пальцы. Любопытная вода устремлялась навстречу, быстро исследовав руку мальчика — отставала. Он вытаскивал руку, давал ей обсохнуть — мокрую по локоть, сохранившую ощущение движения на коже...

Утреннее солнце поднялось над горой. Отец перестал грести, сложил вёсла так, чтобы они могли сушиться, потом достал из сумки под кормовым сиденьем пластиковую флягу с холодной водой, на которой выступили капельки влаги. Отвинтил колпачок, стал пить большими глотками. Саша пить не захотел. Отец положил флягу обратно в тень, под сиденье. Достал спиннинг, освободил грузило, расправил крючки, снял с предохранительного рычажка катушку; встал, широко расставил ноги, закрутил туловище влево, а когда резко распрямил его — выпустил из левой ладони грузило, и оно, описав дугу, шлёпнулось в воду метрах в пятнадцать от лодки, почти без брызг. Свинец скользнул отвесно вниз, подтягиваясь к лодке, освобождая лесу из катушки. Отец сел верхом на скамейку, застопорил увлёркшуюся лесу на нужной глубине, закрепил рукоять спиннинга в решётчатом дне лодки, подперев её голой ступнёй.

— Дай мне бутерброд, — сказал он.

Саша вытащил из свёртка хлеб с маслом и колбасой. Отец ел, оставляя отпечатки крепких зубов. Он подставлял левую ладонь под подбородок и сбрасывал крошки в море. После того как отец перекусил, он снял рубашку. Мальчик, перегнувшись через борт лодки, смотрел вниз, в тёмную воду. Отец взял спиннинг в руки, несколько раз подёргал его в стороны, подождал немного, стал наматывать лесу, глядя в то место, откуда она выходила из воды. Саша смотрел туда же. Лодка наклонилась от веса двух тел.

Солнце поднялось выше, дробясь в тёмно-синих волнах. Море едва двигалось. Две пары глаз смотрели в точку, откуда из воды выходила крепкая нить, скользившая по стальным кольцам на бамбуковом удилище к катушке, где леса укладывалась плотными кольцами. Отец быстро поправил кепку, снова дёрнул спиннинг. В нём разгорался азарт лова, потому что руки его ощутили удачу, и леса туго укладывалась в катушку, а удилище победно выгнулось. Скоро в воде появились четыре тёмные полоски. Они, изгибаясь, поднимались вверх, увлекаемые невидимой — сквозь воду — осью. Когда грузило, с которого начали падать капли, вышло из воды и повисло над морем вместе с четырьмя рыбинами, похожими на длинные тёмные виноградины на обобранной кисти, отец аккуратно перенёс их в лодку. Там опустил на решётчатое дно вместе со спиннингом и сказал Саше, чтобы он набрал в ведро воды. Мальчик вытащил из-под носового сиденья помятое ведро, закопчённое снаружи, зачерпнул им воды, ополоснул, выплеснул в море. Потом набрал с полведра, поставил на дно лодки. Отец одну за другой снял мокрой рукой рыб с крючков, пустил их в ведро и снова забросил лесу в воду.

Лодка покачивалась, развернувшись бортом к берегу. Саша смотрел в ведро, где в прозрачной воде рыбы стояли почти без движения — тёмные, красивые, лениво двигая хвостом и плавниками. Солнце пекло в коротко стриженную голову мальчика, наклонённую над ведром.

— Как они называются? — спросил он.

Отец сказал, глядя вниз, в толщу воды, точно наблюдая за тем, что происходило в недоступной зрению глубине.

— Они хорошие.

— Да. Вечером приготовим...

Но Саше не хотелось готовить этих рыб. Ему нравилась рыбная ловля, но она стала бы ещё лучше, если не есть вечером тех, кого он теперь любил. Он поймал одну из ускользавших от него рыб. Она была твёрдая, прохладная, и у неё стали сильно раздуваться жабры. Саша пожалел её, ослабил сжатые пальцы. Рыба сильнее задвигала хвостом, всем телом и протиснулась на волю.

— Папа, а им больно, когда они попадают на крючок?

— Не знаю, может, и больно.

— Давай не будем их ловить.

Отец поглядел на него. Он вытащил лесу — крючки были пусты.

— Ну вот — всю рыбу распугал.

Саша не понял, как он мог распугать всю рыбу.

Лодка шла прямо на две скалы, которые рядышком выходили из моря. Саша глядел на рыб в ведре. Они, вместе с движением лодки, тоже двигались плавными кругами. Вдруг мальчика точно окатило холодной водой, в глазах у него потемнело, а уши будто заткнули ватой, сквозь которую доносились глухие, отдававшиеся в горле тяжёлые удары в груди. Отец привалился к деревянному борту лодки, позвал отца пересохшим ртом:

— Пап, мне плохо.

Отец бросил вёсла, сдёрнул кепку и, пропитав её морем, повесил сыну на голову, потом зачерпнув грубой ладонью воду, смочил ему лицо. Дурнота медленно отошла, в груди стало холодно. Саша вяло улыбнулся. Отец пошлёпал его по ноге, снова стал грести.

— Это бывает, — сказал он, глядя на бледное лицо сына и налегая на вёсла. — Солнце голову напекло. Тебе ещё повезло. Бывает, без сознания валяются, а ты молодец. Сейчас к скалам подгребу — там есть тень, и искупаться можно будет. Попей воды.

Саше воды не хотелось. Он глядел на приближающиеся скалы. Скалы становились всё выше и выше... Минут через пять одна из них нависла над лодкой высокой стеной. От неё веяло величием, покоем. Та скала, куда правил отец, стояла ближе к берегу. Она напоминала зуб, подпорченный морем и временем. Саша уже видел небольшой грот почти у самой воды и проход

к нему. Проход был довольно мелок, но лодка смогла пройти. Вода там была прозрачной. В ней колыхались бурые водоросли, а в небе носились и противно кричали чайки. Отец развернул лодку, подвёл её вплотную к скале, которая в этом месте была едва выше кормы. Саша перелез в прохладу грота, прикрытого сверху массивным уступом. Отец передал ему сумку с едой и бутылку воды, прежде напившись, чтобы остудить нагретое работой тело.

— Побудь здесь. Искупайся, если хочешь, только осторожно... Я скоро.

Саша отдал влажную ещё кепку. Отец, покрутив вёслами, поплыл, а мальчик смотрел ему вслед, пока лодка не скрылась за краем щербатой скалы. Саша убрал сумку и воду подальше, по узкому проходу вышел из грота на небольшую площадку, прижатую к морю. С одного края подъём скалы был очень крутым, а по центру — сначала пологим, а потом выпрямлялся в отвесную стену. Мальчик полез вверх по сыпучему пологому краю и наткнулся на мёртвую чайку. Он стоял и смотрел на скелет, выбеленный временем, ветрами, непогодой. Редкие остатки перьев ещё держались на белых костях, по которым шустро бегали чёрные жучки. Мальчик глядел на мёртвую птицу — на то, что от неё осталось, — до тех пор, пока не подумал: «Мне нельзя стоять под солнцем». Повернулся и стал спускаться. Он думал о мёртвой чайке, а ещё о том, что неизвестно, сколько она здесь лежит и сколько будет лежать... белый скелет с остатками перьев и чёрными проворными жучками. Стало жалко птицу и себя тоже, ведь он здесь совсем один, и мальчик ощутил тоску среди этих суровых, безмолвных скал.

В гроте Саша снял одежду и полез в воду. В этом месте подводная часть скалы близко подходила к поверхности моря, образовав небольшой заливчик. Один край подводной скалы высовывался из воды, образуя подобие рифа, другой — полого уходил вниз и потом обрывался отвесно до самого дна. На мелководье шла оживлённая жизнь: сновали рыбки, колыхались водоросли, мхи, — и Саша нырнул туда. Слева от него зашпешила в густые водоросли, бойко работая хвостом, зеленотая рыба. Мальчик поплыл к выпирающему из воды краю скалы и, вынырнув, ухватился за его шероховатую, изрезанную волнами поверхность. За этим краем была тёмная глубина. Смотреть туда было страшно. Саша стал смотреть вперёд, скользя зрением по поверхности моря, упираясь взглядом в далёкий горизонт...

Когда плыли обратно, они не говорили друг с другом. Отец грёб, но уже не так легко. Он не желал тратить силы на разговор, а Саша вспоминал события этого дня, думал о том, какой сильный и хороший у него отец.

Поздно вечером, когда Саша спал, отец опять пришёл домой пьяный. Не снимая ботинок, он пошёл к себе, забыв позаботиться о свете в прихожей.

Обычная история

Мне было хорошо известно, что он любил её. Я знал это лучше всех в нашем городке, где тайны не выдерживали долгого хранения, точно молоко в летнюю жару. Ведь я провёл с ними целое лето, а потом всё кончилось. Я сначала не понимал, почему у них всё кончилось. Позже — когда подрос — понял, почему всё так случилось. Или мне это только так кажется? Кто знает? Теперь легко говорить об этом...

Я тогда просиживал штаны в школе, а брат мой успел побывать в армии и работал водителем на большом грузовике. Помню, я сильно завидовал, когда видел его в кабине этой огромной машины. Брат возил грузы на дальние расстояния. Он, бывало, подолгу не появлялся дома, а когда приезжал — вечером всегда рассказывал о поездке, пока мама не выгоняла меня спать в мою комнату. Мы жили в доме с небольшим садом, как и многие в нашем городке. Большие многоквартирные дома появились позже, а тогда каждую весну деревья в саду зацветали, и мы с мамой за ними ухаживали и собирали плоды, и она консервировала их на зиму. Мне больше всего нравилось, когда деревья стояли в цвету. Потом цвет опадал, и чёрная перекопанная земля, из которой сочился густой тяжёлый запах, покрывалась тонким ковром из нежных лепестков.

Сейчас и не вспомню, где они познакомились. Верно, на танцах... Помню, как она в первый раз пришла к нам домой. Брат шёл в клетчатой рубашке и джинсах. У него были широкие плечи. В этих узких тёмно-синих брюках плечи его казались ещё шире. Девушка шла рядом. На ней была узкая юбка с разрезом сзади и лёгкая тёмная рубашка, расстёгнутая на две пуговицы. Она была без чулок. Ноги её показались мне очень красивыми. Я только-только оставил дёрганье за косички и презрение по отношению к девчонкам и начал думать о том, кто же из знакомых девочек больше всех нравится мне. Но когда я увидел подружку брата, она показалась мне красивее всех-всех девчонок, которых я когда-либо видел, и даже то, что была она немного выше брата, шло ей. Потом мы сидели и обедали за столом, покрытым расшитой скатертью, под лёгким полосатым навесом. Девушка была очень красивая. Мне понравилось её узкое бледное лицо, понравились узкие руки с длинными пальцами. Брату она тоже нравилась. Ей было приятно нравиться нам обоим.

Брат любил её. Глядя на него, я был уверен в этом. Он много говорил о ней, и я узнал: она работает в магазине, в отделе промышленных товаров. Когда брат приезжал из поездок, они всегда

были вместе, даже наша мама привыкла к этому. Мама считала, что брату давно пора жениться...

Я уже не говорил брату: «Где твоя подружка?» — или: «Ты был со своей подружкой?» Я называл её по имени. Брату это нравилось. Я видел, как он любил её.

Они часто брали меня с собой, когда шли купаться, и нам всегда было весело. Им никто не был нужен, поэтому они уходили далеко от переполненных пляжей, а я был с ними. Ох и красивая она была в купальнике, который делал её ещё стройнее, хотя, казалось, это невозможно. Она замечала, что я смотрю на неё, и шептала брату, отбрасывая волосы движением головы. Они смотрели на меня и улыбались, и никто на свете не знал, как мне хотелось прикоснуться к её гладкой, блестящей — от воды — коже.

В то лето брат много разъезжал на своём грузовике. Ей это не нравилось. Она говорила:

— Если бы мы только чаще были вместе...

— Мне обещали со следующего года хороший маршрут, — отвечал брат. — Надо потерпеть.

— Так долго?!

— Надо подождать.

— Ладно.

— Вот увидишь — всё будет хорошо.

Это позже она говорила, что он думает только о себе, а ей неизвестно, что он делает, пока она остаётся одна. Да, это было позже! Но тогда всё заканчивалось хорошо, и, возвращаясь домой, мы заходили в бар у моря, и сидели там в тени деревьев, пока солнце вовсю припекало, и потягивали из соломинок прохладные коктейли, в которых плавилась кубики льда...

Хорошо помню день, когда в последний раз мы вместе купались тем летом. На следующий день брат должен был уезжать, а через три дня мне нужно было идти в школу. Ну и дурачились же мы тогда в море... На обратном пути зашли в бар. Я стоял в очереди за коктейлями, они разговаривали друг с другом за столиком. Я принёс напитки: два фруктовых, потом один молочный для себя.

— Разве ты должна делать это? — сказал брат.

— Должна...

— Почему?

— Потому что мне рано.

— Неужели?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Да, — сказал брат, — я понимаю.

Я не знал, о чём они говорят, и, вместе с соломинкой, углубился в коктейль. Да они, кажется, и не обращали на меня внимания.

— Так будет лучше.

— Кому?

— Нам.

— Ты этого хочешь?

— Да.

— Делай как знаешь.

— Всё будет хорошо.

— А вдруг — нет?

— Не говори глупостей. Я советовалась...

— Только не со мной!

— Успокойся, всё будет хорошо.

— До моего приезда ничего не делай, пожалуйста.

— А ты не можешь остаться?

— Мне нужно ехать. Ты ведь можешь неделю подождать?

— Я и так жду, не знаю только чего...

— Не начинай, мы говорили об этом.

— Говорили и будем говорить.

— Не надо.

— Нет, надо! — сказала она очень резко. — Тебе бы нужно побыть со мной, а ты рвёшься куда-то. Кто у тебя там?

— Не говори ерунды. У меня есть ты.

— Ах, вот как! Поэтому ты не можешь остаться?

— Я не заставляю тебя делать это.

— Хватит! Сама знаю, что делать...

Тут брат вспомнил обо мне.

— Ну-ка, пойдёшь погуляй.

Я допил коктейль. На дне стакана, вокруг подтаявших кубиков льда, осталась белая пена. Я встал из-за столика, вышел. Сел в тени на скамейке под большим деревом, рядом с невысокой оградой бара. Было видно, как они говорили, только слов я не слышал. Сначала говорил брат, потом отвечала она, потом опять говорил брат, и вдруг она заплакала. Потом они встали и вышли. Глаза у неё были припухшие. Она вытирала их скомканной салфеткой. Брат шёл рядом.

— Идём, — сказал он, обращаясь ко мне.

Не разговаривали до самого дома. Брат на следующий день уехал. Через три дня я пошёл в школу. Лето прошло. Мы никогда уже не ходили купаться втроём. В конце недели пришла телеграмма, которая извещала о том, что брат попал в аварию. Мама поехала к нему. Я остался дома. Мама вернулась дня через три-четыре и сказала:

— Слава Богу, ничего страшного нет.

У него оказалась сломана ключица, выбита коленная чашечка на одной ноге, другая нога сломана в двух местах. В общем, он легко отделался, по мнению врачей.

Брат вернулся домой через месяц. В руках у него была палка. Выглядел он неважно. Мне было жалко его. Его девушка лишь однажды позвонила нам. Она выпрашивала у меня разную ерунду, вроде того: как я учусь, как у меня дела, как мама и тому подобное... Я ждал, когда она спросит о брате. Она спросила о нём позже и таким беспечным голосом, точно вчера рассталась с ним. Я сказал что знал, и, кажется, очень резко. Больше она не звонила.

У них всё закончилось в один день. Было ещё тепло. Брат спал внизу, а мы с мамой перебрались

на второй этаж. В этот день я договорился с приятелем идти ловить рыбу и встал пораньше. Еду, которую с вечера приготовила мама, завернул в тонкую шуршащую бумагу и вместе с банкой, в которой была наживка, сунул в рюкзачок. Потом взял бамбуковую удочку, спустился по лестнице. Тут всё и услышал.

— Ты и сейчас пьяна...

— Это не важно.

— Вот как?

— Я решила зайти...

— Для этого нужно напиваться?

— Возможно.

— Что с тобой случилось?

— Ничего. Ровным счётом ничего. Как твоя машина? Не скоро сядешь за руль?

— Прекрати.

— Что прекратить? Всё кончилось, неужели ты не понимаешь? Всё кончилось, — повторила она.

Брат молчал.

— Теперь ты знаешь, — сказала она. — Мы скоро уедем...

— Что ж, — сказал брат, — может, это к лучшему.

— Да, — сказала она.

— А теперь — уходи.

— Прощай, — сказала она.

Брат молчал.

Я, со своей бамбуковой удочкой, спрятался за угол дома. Я видел, как она шла вниз по ступеням, держась за перила. Она была красивая и совсем чужая. В комнате брата было тихо. Девушка потом уехала из городка, а брат... Не важно! Ведь это была обычная история... Пожалуй, только мне она когда-то казалась не совсем обыкновенной. Может, потому, что я только-только начал думать о девушках и они были для меня загадкой, а может быть... нет, не знаю. Теперь трудно в этом разобраться.